

В ОККУПАЦИИ

Первого июня получил письмо с малой Родины, города Острогожска Воронежской области от товарища, который на год младше меня. Письмо пришло в символический День защиты детей. Оно напомнило мне наше детство, когда Острогожск был оккупирован фашистскими войсками, и мы, шести-семилетние пацаны, переживали ужас этого времени. У меня уже правнучка старше того возраста, и воспоминания о той поре только вызывают страх — не дай Бог им, нашим правнукам, пережить такое.

Товарищ пишет о том, что в городе уже мало осталось наших ровесников, а мужского пола почти нет.

— Вот,— пишет он,— пошел к двоюродному брату в гости, который с 1933 года рождения, но еще в памяти, хотя и не ходит, как ты. Невольно вспомнили о начале войны, и что нам пришлось пережить в 1942 году, когда фашисты оккупировали наш город. Воспоминания тяжелые, поэтому мы и редко обращаемся к ним...

Это случилось через год после начала войны, в такой же летний жаркий день. Уже во всю полыхало пламя войны. Фашисты, потерпев поражение под Москвой, повернули на юг, и Воронеж, как и Острогожск, в один миг из тыловых городов стали фронтовыми. Жизнь в них и до этого была не сахар, а тут превратилась в ад.

В городе шли слухи о приближении вражеских войск, но никто не ожидал, что оккупация случится так быстро.

Нашей семье, раненому отцу, которого мама привезла из Вологды, куда после ранения в голову под Ленинградом он был вывезен из блокадного Питера, райкомом партии была выделена подвода с двумя лошадьми для эвакуации. Загрузив кое-какой скарб и посадив нас с братом, которому было три года, а мне шел седьмой, в подводу, рано утром пятого июля 1942 года тронулись в путь. Старые дедушка и бабушка пошли нас провожать. Наверное, это нас и спасло.

Мы далеко не успели отъехать, когда в девять часов немцы начали бомбардировку города. Основной их целью был мост через реку Тихая Сосна, по которому отходили отступающие наши войска. Но бомбы падали кругом, появились трупы убитых женщин и детей. Нам чудом удалось спастись и вернуться домой, где нас ждал полный разгром. На наш дворовый участок упало две бомбы — одна в конце сада, а другая недалеко от дома, выворотив с корнем яблоню и образовав огромную воронку. Дом был полуразрушен, но пригоден для жилья. Но главное, мы остались живы. Но как после этого не верить в судьбу?

А шестого июля в город вошли немецкие танки. Началась оккупация города, которая длилась 228 дней, а мы, все его жители, жили в постоянном страхе. Кое-кто сегодня говорит, что это немного. С этим можно и согласиться, но прожить эти дни в постоянном страхе, это стоит многого.

Город стал наполняться различными войсками. Я отлично помню, что мы, высленные в сарай, пережили, как их называла бабушка, «непрощенных квартирантов», немцев, венгров (мадьяр), румын, а на улицах я даже наблюдал итальянцев с перьями на шляпах. И у каждого из них были жесткие требования к жителям, основное из которых было — за неповиновение расстрел.

На третий день оккупации вся наша семья пережила стресс. По доносу соседки, как я узнал позже, на отца, что он коммунист, его забрали полицаи. Два дня мы жили в постоянном страхе, что его расстреляют или повесят. В городе на площади уже стояли виселицы с повешенными коммунистами и просто жителями. Но и тут судьба улыбнулась нам. На третью ночь кто-то постучал в окно. Это был отец. Ему удалось бежать из концентрационного лагеря, который был на торфяниках, а отец отлично знал эту территорию еще по довоенной работе. Отца спешно отправили в деревню к тетке, где он и прятался до конца оккупации. Но эта история требует отдельного рассказа.

К слову, в Острогжском районе немцы организовали 14 концентрационных лагерей, в которых содержалось 100 тысяч советских военнопленных и местных жителей, строящих железную дорогу на Сталинград, так называемую «Берлинку». Это одно из белых пятен Великой Отечественной войны. Сколько погибло там наших людей, одному Богу известно. Их хоронили прямо у насыпи. Сегодня эти места позабыты, и поисковики, которых показывают по ТВ, не знают об этом. Их больше привлекают места больших сражений, но были и «тихие места», где решались судьбы войны.

О «Берлинке» я впервые услышал от своего друга Ивана Черкасова в конце 90-х годов прошлого века, который был на девять лет старше меня и которого 15-летним пацаном схватили и отправили строить «Берлинку». Но ему с тремя такими же ребятами удалось бежать, когда их везли в концлагерь, поэтому и остался жив. Потом он еще сражался с самураями... Да, трудная судьба досталась нашему поколению.

Я увлекся своими воспоминаниями и забыл о письме товарища. В нем он делится своими впечатлениями о жизни в оккупации. И хотя мы жили в одном городе и в одно время, но воспоминания у нас разные, но в основном не радостные.

...Вспомнили ребят,— пишет Володя Котов,— Масюкова Толою и Рымарева Валю, рождения 1931 года, которые жили рядом с нами на Новой Сотне (слобода города) и они всегда брали нас с собой. По наши меркам, они были уже большими.

За нашими домами было небольшое озеро, в котором до войны красноармейцы купали своих коней, а рядом были склады, где немцы организовали скотобойню. Водоем мы называли Зарой. Рядом с ним немцы соорудили выгребную яму, куда вывозили весь ливер убитых животных. Фрицы ливер не ели, а выбрасывали в яму. Там всегда толпились ребята с сумками и ножами. Немец вываливал в яму с подводы ливер, и тут же ребята бросались к яме, кромсали ливер, прятали в сумки и бежали с этим «богатством» домой. В этой яме всегда стояла вонючая жижа...

Позвольте отвлечься на свои воспоминания:

— Наша семья также жила в слободе Новая Сотня, тоже недалеко от скотобойни, только с другого края. Наш дед был еще крепким мужиком и немцы привлекали его к работе на скотобойне. За дедом приходил полицай и отводил его туда. Естественно, там ему поручалась самая грязная работа, за которую его «награждали» цыбаркой (большое ведро) крови животных. Бабушка разливала эту кровь по противням, она застывала, ее резали на кусочки и жарили. Это был деликатес. А в это время наша мама, ей было всего 29 лет, выменивала последние вещи на какое-нибудь зерно и картошку в окрестных деревнях. Это было опасно, но голод не тетка!

Еще до оккупации жители города жили впроголодь, а в оккупации вообще стало туго — магазинов не стало, а базар совсем оскудел...

Возвращаюсь к письму товарища:

— Как-то в августе месяце пришли мы за ливером, меня брат к яме не подпускал, я стоял на подхвате. Приехал немец, открыл короб и вывалил ливер. Стал смотреть, как пацаны кромсают отходы. Потом схватил одного пацана и кинул в яму. Лето, жара — в яме черви плавают, кишки плавают и пацан бултыхается, кричит, а немец смеется.

Ребята вытащили пацана из ямы, я его хорошо знаю, отмыли в Зарее, успокоили.

На следующий день привозит немец ливер, высыпает в яму. Смотрит, но никто из ребят не бросается за ливером. Фриц недоумевает. А ребята постарше кинулись на него и столкнули в яму. Немец толстый, барахтается в яме, кричит, а ребята смеются. «Киндер,— вопит,— помоги выбраться!» Пожалели ребята фрица. Подали ему колючую проволоку, он не дурак, обмотал проволоку клеенчатым фартуком и кое-как выбрался сам. Расплата не замедлила свершиться.

Ночью мадьяры и полицаи устроили облаву по домам на пацанов старше десяти лет, стащили всех на конюшню и до крови перепороли шомполами... И все равно народ ходил к яме. Жить-то надо было, надеялись на наших...

У меня на тот момент иные воспоминания:

— Пока мама наша крутилась, добывая кое-какую еду, бабушка ни на шаг не отпускала нас от себя, так что мы не могли участвовать в «походах» к выгребной яме. Довольствовались тем, что дед Фатеевич иногда приносил с бойни.

Как-то мама пошла на рынок — базар и не вернулась. Ее не было двое суток. Представляете наше состояние. А тут еще поползли слухи, что немцы окружили базар и держат людей для каких-то целей. А там была наша мама!

Потом узнали, что людей ждали для машин-душегубок, которые следовали из Харькова по железной дороге. Но слава советским летчикам, которые разбомбили этот состав, а партизаны довершили его разгром. Продержав людей двое суток и не дождавшись машин, людей отпустили. Акция уничтожения жителей Острогожска была сорвана.

А каково было нам, детям, которым бабушка и дедушка ничего не могли объяснить, где мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы — ведь для оккупантов жизнь аборигенов ничто, тем более фашистам, для которых все мы были недочеловеки. Мы, дети, не понимали происходящего, но подсознанием чувствовали, что происходит что-то страшное.

Возвращаюсь к письму своего товарища, нашел эпизод, когда он увидел эссовцев. Здесь надо признать, что память нам стала изменять. СС действительно носили черную форму, даже полевые, например танковая дивизия СС «Мертвая голова», но Володя почему-то вспоминает их в серой форме. Это могла быть полевая жандармерия:

— Видел эссовцев, но у них была не черная, а серая форма, мышинного цвета. Рядом со школой квартировал немецкий врач-хирург, а у него был денщик всегда веселый, Ганс. Как-то я катался на санках в яру возле школы. Он поймал меня, ему нужны были санки, чтобы подвезти к дому бревно. Ганс заставил меня тащить санки, а сам шел впереди, насвистывая. Не доходя школы, только он вышел за угол хаты, как вдруг перепуганный бросился ко мне. Думаю, чего он перепугался? А он мне — киндер, шнель бегом нах хаузен! Я выглянул из-за угла, вижу стоит легковушка, а возле нее немцы в серой форме. А Ганс мне: СС. Пух-пух и тебе капут! Шнель домой! Так я увидел СС...

Да, подумал я,— кого только из оккупантов не было в Острогожске. Но долго они не продержались.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайно-стей могла стать и становилась причиной бед. Один случай из моей детской жизни:

— Советские войска окружили Острогожск, но еще не вошли в город. Немцы, находящиеся городе, пытались вырваться из кольца. Их танки метались по улицам города из одного конца в другой, пытаясь нащупать брешь в наступающих войсках. Город бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб — понятия разные. Мы из нашего маленького погреба решили перебраться в подвал к соседям напротив, где уже собралось много семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов — «На миру — и смерть не так страшна!». Когда мама меня и трехлетнего братишку повела туда, в конце улицы появился немецкий танк, а улицы в районном городишке узкие, танк быстро приближался. Мы засуетились и растерялись. Я и мама успели перебежать дорогу, а Вова остался на другой стороне улицы. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась махина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, громыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда все обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом: что стоило тогда немцам дать очередь из пулемета или чуть-чуть вильнуть машиной, и... нас нет! И таких случаев во время войны была масса, в большинстве заканчивавшихся печально и для взрослых, и для детей.

Оккупация — ад не только для основной массы населения, но для детей особенно. Это, как часто повторял мой покойный отец, первым бросившийся в горнило войны, он был «политбойцом», понятие и термин замалчиваются до сих пор — «Кому война, а кому и мать родна!» В оккупации люди понимали цену друг другу, цену тем, кто живет рядом:

— Зимой 1943 года, когда группировка немецко-венгерских-румынских и итальянских войск попала в окружение (Острогожско — Россошанская операция 13—17 января), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы не оставляли склады, а, подорвав их, подожгли. Один из таких продовольственных складов был на нашей улице. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы добыть кое-чего съестного. Устремилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыр, макароны и снова бросалась в горящие развалины. Я пытался это богатство снести домой, но по дороге все отбирал боровососед, который и при немцах жил неплохо. Он держал лавочку и, наверняка, прислуживал оккупантам. Эта подлость отложилась во мне на всю жизнь. Уже в 60-е годы прошлого столетия, приезжая в отпуск в родные края, я всегда при встрече с ним высказывал ему свое презрение. К сожалению, такие, как он, безбедно жили при оккупантах, не получили по заслугам и после нашей Победы... а их потомки хорошо живут и сегодня. Изворотливость их кредо жизни. Почему это так, я понял, прожив большую, нелегкую жизнь. Опыт дает истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда побеждают только в сказках, а в реальности зачастую наоборот.

Последствия оккупации, да и всей войны в целом, продолжались и после Победы. Хотя это была уже пора надежд, но поесть досыта нам суждено было еще не скоро.

Растущий детский организм требовал пищи. Поесть вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто сегодня помнит голод 1946—47 годов, особенно из жителей больших городов, которые властью «родного» правительства снабжались за счет деревень и малых городов. Провинция снова выручала страну. А мы, 10—12-летние, считали за лакомство лепешки из желудевой муки. Желуди собирали в лесу, дуба достаточно в Воронежской области, и сами мололи на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепешек....

Впервые я поел конфет в 1950 году, и то не шоколадных, когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГА

(торговое государственное предприятие). Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учеба была для нас роскошью, к которой мы стремились, не взирая ни на какую усталость.

Пребывание на оккупированной территории долго «икалось» для детей военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты — был или нет на оккупированной территории? Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытывал вражеское рабство, в чем-то неблаговидном. Не унижительно ли это?

Все было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа — это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется, а это неправильно.

Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается инстинкт — была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят» — очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью — трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них страдание детей пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного — это постулат истины. Для богатого слезы бедного — это деньги. Нынешняя действительность — подтверждение этому!

Читатель моложе меня, возможно, удивится моим не радостным детским воспоминаниям, и будет прав по-своему. Не испытал ужасов страшной войны и видевший ее только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, мучения детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, а тем более показывать. А это, на мой взгляд, самая действительная пропаганда против войны. Американцы не испытывали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими солдатами. Любые иностранные солдаты, будь то и миротворцы, чужие солдаты и положительных эмоций они не вызывают!

Этот короткий рассказ не отражает всех аспектов оккупации, но что это страшное зло в истории человечества — факт!

ТАНК

Виктору Афанасьевичу уже за восемьдесят, но у него часто встает перед глазами, а иногда и снится, тот безымянный фашистский танк на узкой улочке небольшого городка Острогжска в далеком январском 1943 году. Водитель танка мог легко раздавить трех мирных людей — его, тогда ему было семь лет, трехлетнего братишку Вову и их маму, которой было всего 29 лет.

Мамы, Анны Леонтьевны и брата уже нет в живых, а он еще живет, вспоминая кошмары далекой войны. Так распорядилась судьба.

Всю жизнь Виктора Афанасьевича мучает вопрос: почему тогда это громадное, смердящее выхлопными газами чудовище не уничтожило их? Уже в зрелом возрасте они с братом не раз обсуждали этот вопрос, не приходя к однозначному выводу. И всегда эти страшные воспоминания для них оканчивались одним предположением, что людская логика не предсказуема.

Детская душа впечатлительна, и часто страшные ситуации, происходящие с детьми, остаются в их памяти навсегда. Виктор помнит те январские дни 1943 года более отчетливо, чем августовские 1942-го, когда оккупанты почти без единого выстрела заняли родной город. Полугодовая оккупация заставила быстро повзрослеть. Этому способствовали полуголодная жизнь, постоянные тревоги за маму....

Однажды она пошла на базар и не вернулась. Ее не было три дня, а когда она вернулась, рассказ был страшен. За это время плакали не только они, но волновались

и дедушка с бабушкой, которые не могли объяснить детям, что происходит вокруг. Их выгнали из дома в сарай, и они не могли даже приблизиться к дому, где обосновался немецкий офицер с денщиком. Денщик травил их овчаркой, если они приближались к дому.

А с мамой тогда произошло следующее: городской базар, а это около тысячи человек, был оцеплен гитлеровскими солдатами. Ждали машины — душегубки из Харькова. Машины следовали по железной дороге. Продержав людей более трех суток и не дождавшись машин, их отпустили. Благо было еще тепло. Продержаться три дня и три ночи помогла людям взаимовыручка. Но что чувствовали люди морально?.. Рассказ матери был о переживаниях. Она все время думала о детях, а они о ней.

Уже будучи взрослым и изучая историю Острогожска — Россошанской операции, Виктор нашел объяснение тому случаю. Машины-душегубки действительно следовали по железной дороге в Острогожск, но советские летчики разбомбили эшелон, а партизаны довершили дело.

Судьба благоволила к семье Виктора. Отец Виктора, забранный вначале полицаями, сумел бежать из концентрационного лагеря, и теперь благополучно дожидался в деревне освобождения. Виктор вспомнил, как радостно они встретили отца, который, сражаясь под Ленинградом, был очень сильно ранен в голову, но сумел выкарабкаться из когтей смерти. Месяц был без сознания, три месяца не говорил... Эвакуированный из блокадного Ленинграда в Вологду, сумел дать об этом весточку в еще свободный Острогожск. И мама ринулась к нему. Через все фронтовые дороги привезла домой. Врачи говорили, что он долго не протянет, а он прожил еще более сорока лет. Такова была тяга к жизни.

Отец еще с трудом говорил, а тут оккупация города. На следующий день после оккупации его прямо из-за стола взяли полицаи. Он был коммунистом, а кто-то донес, что он вернулся. Его спасло то, что, брошенный в лагерь, который располагался на торфяных разработках, он отлично знал эту местность, и ночью ему удалось бежать. Когда он ночью появился дома, Виктор помнит этот радостный переполох, его тут же отправили к тетке в дальнюю деревню, где он просидел в подвале долгие месяцы.

Освобождение города шло не сразу. Чувствовалась какая-то напряженность. Исчез куда-то немецкий офицер со своим денщиком. Начались бомбежки, теперь уже своими самолетами. Опустели улицы, люди прятались в своих погребках-подвалах. Так было и с семьей Виктора. Но у них был погреб небольшой и холодный, находиться в нем долго было нельзя. Через улицу наискосок стоял большой дом Минковых с большим подвалом. Ночью дедушка пробрался туда и, вернувшись, сказал, что там собралось много соседей и приглашают их. «На миру и смерть красна,— добавил он.— Мы с Саней (так звали бабушку) пойдем сейчас, а ты, Анна, собирай детей и топай за нами». Мама согласилась, но сказала, что пойдет с началом рассвета.

Утром мама вручила Виктору узелок с одеждой, сама взяла узел побольше, и, держа Вову за ручку, повела детей на улицу. Улица была пустынной. Мама перешла с Виктором на другую сторону улицы и, оставив его с узелками, хотела вернуться за Вовой, чтобы перенести его. И тут тишину улицы оборвал страшный рев, из проулка вырвалось железное чудовище — огромный фашистский танк. Он быстро надвигался, комья грязного снега летели из-под его гусениц, а главное — этот страшный рев. Виктор с мамой оцепенели, а на другой стороне улицы громко заплакал Вова. Мама застыла в ужасе. Улица была неширокой, танк мчался по середине. Что стоило ему чуть вильнуть в сторону — и людей не стало. Мог и пулеметчик нажать на гашетку, и пулеметная очередь скосила бы людей, которые стояли в оцепенении, ожидая самого страшного... Но танк промчался мимо, обдав их смрадом выхлопных газов.

Скинув оцепенение, мама бросилась к Вове. Прижав его к груди и подтолкнув Виктора, забыв про узелки, они бросились к дому Минковых. Только попав в подвал,

они перевели дыхание. Вова стал успокаиваться, а у Виктора продолжал стоять в глазах страшный танк со зловещим крестом на броне...

Все обсуждали происшедшее, никто не рисковал выходить из подвала, и только старый дедушка пошел за их узелками. Его долго не было, все стали волноваться, пока через полчаса не послышался его голос: «Люди, выходите! Наши пришли!»

Во дворе стоял наш боец в белом маскхалате, который приветствовал выходящих словами: «Выходите, люди, на свет божий! Город наш, и фрицы больше сюда не вернутся».

После этого Виктору еще многое пришлось пережить. В послевоенные годы, когда в голод и желудевые лепешки были в радость, пришлось пережить гибель товарищей на боеприпасах, оставленных войной. Мальчишки — любопытный народ. Все это оставило неизгладимые следы в памяти. В зрелые годы во время службы подводное столкновение тоже прибавило седых волос. Но случай с танком остался в памяти Виктора Афанасьевича особой меткой...

Совсем недавно тот случай с танком возник в памяти, когда на обычной дороге под колеса самосвала едва не попал мальчишка такого же возраста, как он в те страшные дни. Виктор в силу своего возраста и болячек теперь с палочкой ползает, как черепаха, стоял у обочины дороги и смотрел на мальчугана, который не спеша переходил дорогу. И тут на полном ходу, газуя, показался самосвал. Виктор понял, что может случиться беда. Что он мог сделать?! Он только успел громко, командирским голосом крикнуть: «Беги, пацан!» Мальчишка оглянулся и стремглав бросился с дороги. А у Виктора зашло сердце и дрогнули ноги. Он как будто вновь очутился в том страшном 1943 году....

Как-то на уроке мужества в школе ученик шестого класса спросил его: «Вам не было страшно, когда служили на подводной лодке?»

Тогда он, не раздумывая, честно ответил: «Да, было!»

И это правда. Не бояться только дураки! Но страх взрослого и ребенка — это разные вещи. Взрослый видит страх с размышлениями, а ребенок воспринимает его мгновенно, и он откладывается у него навсегда. Кто испытал страх в детстве, может помнить его всю жизнь, особенно в экстремальных условиях.

Пусть наши дети будут счастливы и не испытывают страха в детстве. Война — это сплошной страх, пусть он минует людей, а новое поколение о войне пусть узнает только из книжек, а не в реальной жизни. Детство без страха есть предпосылка достойной жизни.